

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

АЛЕКСЕЙ ДУРАКОВ

**ОДИН ИЗ СОЛНЕЧНЫХ
ЛУЧЕЙ**

Собрание стихотворений

Водолей Publishers
Москва – 2005

ББК 84Р7-5
Д84

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
М. Л. Гаспаров (Россия),
Г. Г. Глинка (США),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
В. А. Синкевич (США),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
Л. С. Флейшман (США)

Составление, подготовка текста *Владислава Резвого*
Научный редактор *Евгений Витковский*
Послесловие *Искры Голенищевой-Кутузовой*

ISBN 5-902312-61-2

© В. А. Резвый,
составление, 2005
© И. В. Голенищева-Кутузова,
послесловие, 2005
© Водолей Publishers, 2005

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Веселый мальчик белокурый,
Твое ль дрожит в воде лицо?
Ты помнишь дом под кровлей хмурой
И у балкона деревцо?

Как было радостно у печки
С старушкой-няней поболтать
И ночью, в тишине, при свечке
Читать, томиться и вздыхать.

Какие сны нам снились дома
Под визги пензенской пурги:
Орлиный глаз и Монтигома,
Княжна и Разина струги.

Какой нам сон теперь приснится
Под левантийских ветров свист?
Как тихо на воду ложится
Осенний пожелтевший лист.

1921

* * *

Серы обои на стенах
В часы осеннего заката.
Желтеют листья на ветвях,
И даль неясностью объята.

А на душе печальный хруст
От ломки веры и исканий.
О, так хрустит засохший куст
От ветра смелых налетаний!

И жизнь томит какой-то страх,
И серым сумраком объята,
Как те обои на стенах
В часы осеннего заката.

22 октября 1921

* * *

Много здесь в молочной дали
Затерялось кораблей,
Что в ночи одни блуждали
В тщетных поисках огней.

И во мгле, завидя берег,
Положив на борт рули,

Уходили, не поверив
Зову призрачной земли.

Или, встретившись случайно,
Раздробив друг другу грудь,
Шли ко дну, чтоб, древней тайны
Не узнавши, отдохнуть.

Всё покрыто мглой туманной.
Скрылись светлые пути,
И к земле обетованной
Без огней не подойти.

Где вы, розовые зори,
Где вы, радость-небеса!
Здесь у нас в туманном море
Только грусти голоса.

3 апреля 1922
Белград

ПЕРЕКРЕСТОК

Вот столб на пыльном перекрестке,
На перекрестке всех дорог.
За слоем выцветшей известки
Мне ль разобрать значенье строк?

Но я пойду. Пусть желтым прахом
Сердитый вихрь слепит глаза,
И сотрясает сердце страхом,
И подымает волоса.

Вот впереди шагает время,
Идет без страха наобум
И за собой волочит бремя
И новых слов, и новых дум.

7 мая 1922
Белград

* * *

Вся жизнь моя — одни лишь встречи,
Пестра, как вешние цветы...
Живу и жду своей предтечи,
Предвестницы моей мечты.

Но ни одна — все мимо, мимо.
О, сколько глаз, о, сколько рук
Влекли, влекут неодолимо —
И светлым облаком замрут.

Есть тихая, как сумрак, радость
В воспоминаньях милых лиц,
Как тихий шелест, запах, сладость
Давно прочитанных страниц.

Одни прошли — как потонули,
И новым не узнать числа...
А тех, что в душу заглянули,
Метель на крыльях унесла.

15 мая 1922

Топчидаф

* * *

Люблю, земля, твой душный запах,
Мне так знаком и дорог он.
Когда ж зима в косматых лапах,
Баюкая, хранит твой сон,
Я чту в тебе покой могильный,
Хоть знаю, что внутри живет
Неугомонный, буйный, сильный
Кипучей жизни водомет.
Хранишь ты мощь для вешних шуток,
Сдержав напор веселых струй,
Чтоб у весны с румяных губок
Украсть сладчайший поцелуй.

7 июня 1922

* * *

Илье Голенищеву-Кутузову

В твоих стихах слежу мерцанье звездных истин
И синий горизонт,
Невнятных, тихих слов, прозрачных и лучистых,
Весенний понт.
В восторге пью из них живую жизни радость.
Она — тиха,
И липнет на язык дрожащих звуков сладость,
Слетевших со стиха.
Слова влекут меня, выводят из дедала,
Как Ариадны нить.
И этот синий свет небесного кристалла
Тебе не потушить.
Я понял: не в пыли легла твоя дорога —
В просторе бурь,
Где, двери распахнув, чертог алмазный Бога
Зовет в лазурь.

5 ноября 1923

* * *

Юрию Софиеву

Вышел я, желаньем твердым полный
Посетить надзвездные края,
В сердце смелом и, как вихрь, свободном
Мысли нежно гордые тая.

Я бреду дорогой незнакомой...
Как мне силы слабые сберечь,
Чтоб похитить пояс Ориона
И его огнеподобный меч.

Млечный путь — туманная дорога
Охватила черный небосвод...
Это путь к селеньям светлым Бога
Или в ад обманный жуткий ход.

Я один. В заоблачных скитаньях
Страшен мне кометы жаркий хвост.
Вижу в небе смелые взлетанья
И паденья сокрушенных звезд...

Но горит в душе, как факел, вера —
Утешенье в ней ли мне найти, —
Что тебя, бродячего трувера,
Встречу я в заоблачном пути.

14 ноября 1923

* * *

Тебе любовь, тебе угары,
Весь пламень пережитых снов,
И сердца моего пожары,
И рокот радостный стихов.

За юность — ту, которой блещет,
Которой вся обожжена,
За страсти, что в тебе трепещут,
Проснувшись рано ото сна,

Молюсь с усердием черницы,
И так молитва горяча,
Как та лампада у божницы
Иль четверговая свеча.

21 ноября 1923

* * *

Моя любовь к тебе — сверкающий ларец,
Где глубина души и благовонье мирра,
Я в нем храню двух душ и двух сердец
Солнцеподобную порфиру.
Ее соткала ночь, когда нисходит сон,
Когда деревья сонные лепечут,
И только страж небес, гигантский Орион,
В нас стрелы огненные мечет.
Меж нитей синих, алых, золотых
По ней разбросаны созвездия алмазов,
Но нежный свет, что благостен и тих,
Струит задумчивость топазов.
Бреду среди людей, сознанием силы горд,
Несу тяжелую, но радостную ношу,

И даже в скорбный час, когда не буду тверд,
Я с нею упаду, но никогда не брошу.
И от бесцветных глаз, и от пустых людей
Я наш согласный пламень скрою, —
Зане от блеска душ, как от огня лучей,
Ослепнут все, когда раскрою.

3 декабря 1923

Топчидар

* * *

Напрасный путь к тебе измерен
Мной от начала до конца.
Высок твой недоступный терем,
Круты ступени у крыльца.
В вечерний час, лишь только сумрак
Прикроет площади плащом,
Бреду в заветный переулок
Стоять Бертраном под окном,
Глядеть, как четким силуэтом
Ты вырастаешь в складках штор,
Как бы даришь меня приветом,
Мой черный, сладкий приговор.
Я вижу, руки, в свете странном
Вздеваясь, тянутся стеблем,
Как будто черные тюльпаны
Цветут за огненным стеклом.

Но всякий раз, когда потушишь
В своем окошке алый свет,
Меня с высот твоих обрушишь
Моим дерзаниям в ответ.
И взор тогда напрасно ловит
Твой след в провале черноты:
Он только вздрогнет и потонет
В раскрытом зеве пустоты.

3 декабря 1923

Топчидар

* * *

О дальней Мэри, светлой Мэри,
В чьих взорах свет, в чьих косах мгла...

А. Блок

На бледной желтизне дивана
Ты — изваяние тоски;
Как два увядшие тюльпана,
Две скорбных брошены руки.
Тебе мешать в ошибках трушу,
В своем бессилии грущу,
Но будет день — я всё разрушу
И к черным безднам не пущу.
И если волею коварной
С дорог моих твой сгинет след,
Я стану грустный и бездарный,
В молчаньи стынувший поэт.

Но ныне свет твой омрачу ли,
Твое ли пламя остужу?
Вот — будто молнии блеснули,
И я поверженный лежу:
Меня сразили жгучей силой
Из ореола медной мглы
Два оскорбленные светила,
Две вкось направленных стрелы.

7 декабря 1923

* * *

Веришь в Бога и в светлое чудо;
Среди нас ты не дома — в гостях.
Я хочу, точно ангел, повсюду
Быть с тобою на скользких путях.

И печаль твою, Черную Деву,
От тебя безвозвратно отвлечь,
Душу вырвать из смрадного зева
И в пресветлые ризы облечь.

На пути моем ясной кометой
Ты взлетела и ярко горишь, —
Этот день, мной отмеченный метой,
Даже сгинув, и то не затмишь.

Но язык мой со злобою вырву,
Уничтожу я всё, что создал
В час, когда с голубого обрыва
Полетишь, как разбитый кристалл,

Ибо блеск моего вдохновенья —
Только отблеск печали твоей
Или в море скорбей — отраженье
Многодумных и темных очей.

И в молчаньи моем не забуду
Взор, блеснувший как солнце во мгле, —
Ты — последнее светлое чудо
На оставленной Богом земле.

20 декабря 1923

* * *

Вседневной думы о разлуке
Не подавить, не превозмочь.
Иду утешить сердце в звуке
В весенне-ласковую ночь.

Свободный ветер веет смело,
Упиться волею спеша, —
Как бы покинувшая тело
Для воли вольная душа.

А там, где мгла еще чудесней,
Где властны прихоти теней,
Поет ласкающие песни,
Как ты, картавый соловей.

Иль кто-то вдруг вздохнет глубоко,
И запоем от вздоха мгла,
Как будто где-то недалеко
Ты, утомленная, прошла.

1923–1925

* * *

Мне всё мерещится усталая походка,
Волос упрямых аромат и медь
И голос, говорящий кротко-кротко,
Умеющий журчать, и литься, и звенеть.

И взор мятущийся, такой тревожно-жаркий,
И дуги тонкие, высокие бровей —
Венецианские, с изломом странным, арки
Над черными лагунами очей.

Я в них гляжу, безумием прикован,
Загадкой неразгаданной томим, —
Быть может, тайною смущен и очарован
Иль жаждою ответа одержим.

Но грудь моя предчувствием задета,
Что до морщин, до славной седины
Мне суждено стоять и тщетно ждать ответа
Из черной и влекущей глубины.

2 января 1924

* * *

За что-то Бог меня отметил:
Мне несравненную послал, —
Я взор ее надменно встретил,
Но вдруг смутился и узнал.

И с той поры, как тихий инок,
Брожу за ней, суров и строг,
В пыли дорог, в траве тропинок
Ищу следов бесшумных ног.

Хожу за черною одеждой
В садах долин, в пещерах скал;
Душой возросшей и прозревшей
Иные страны увидал.

И как-то стали ярче дали
От этой встречи на пути.
Мне от лучей ее печали
Тепло и радостно идти.

И, проходя бесшумно мимо,
В меня бросая долгий взор,
Она всегда неодолимо
Зовет за грани на простор.

Благоговейно, тихо вежды
Я опускаю, как монах,
Целую черные одежды,
Ремни сандалий на ногах.

2 января 1924

* * *

Осенний мглистый день. Предчувствием влеком,
Я вновь тобой бреду, знакомая дорога,
Чтоб видеть снова сад и низкий белый дом,
Где тень минувшего притихла у порога.

Воспоминаньями безудержно маня,
Грустит на всем застывшая улыбка.
Как няня старая, увидевши меня,
От радости захныкала калитка.

Вот снова предо мной высокий косогор,
Былой поспешности безжалостный смиритель;
Давно ль в твоей траве звенел веселый хор
Кузнечиков и пчел, а я был их гонитель.

Наверх спеша всхожу, вокруг дома обхожу,
Томлюсь тоской глухою, нестерпимой
И в окна черные, бесцветные гляжу,
Как в очи мертвые усопшей и любимой.

И, мне сочувствуя, роняет грустный хруст
Исчезнувших надежд печальный символ — лозы.
Я сквозь туман, как будто бы сквозь слезы,
Смотрю на сад, что без тебя так пуст.

25 января 1924

* * *

Как пенье дальнего прилива,
Тревожит звук твоих шагов.
Его я жду нетерпеливо,
Как ветра в штиль для парусов.

И, как Антоний, глядя в очи,
Во мраке вижу небеса
И слышу — глухо гром бормочет...
И в ключьях чьи-то паруса.

А дальше бездны, бездны, бездны
Под пеленой нависших туч,
И солнца край над ними медный,
И высоко взлетевший луч.

25 января 1924

* * *

Стали дни по-весеннему долги,
Синеватее вечера.
Ночью звезды — точно осколки
Золоченого серебра.

Но тебя, что сияла зимою,
Мне среди них никак не найти.
Видно, будешь вешней порою
Золотить не мои пути.

И в стране иной, нездешней,
Светоносный замети твой след,
Залюбуется сумасшедший,
Вот такой же, как я, поэт.

Красотой непонятной и колкой
Превратишь ему сердце в погост,
А любовь — в золотые осколки
Самых ярких и жарких звезд.

8 февраля 1924

* * *

Beato, anima bella, chi te vede!

*Dante. Vita Nuova*¹

В честь земной прекрасной девы
Песни я свои сложил,
В озаренные напевы
Без остатка душу влил.

Полно тихого величья,
В вечны недры в свой черед,
Точно древле Беатриче,
Имя нежное уйдет.

Синекрылый гений смело
Воплотил мои мечты
В это ласковое тело,
В эти строгие черты.

30 февраля 1924

* * *

Мне снился сон — мы оба в белом,
И наша яхта так бела,

¹ Кто зрит тебя, достоин тот спасенья. *Данте. Новая жизнь.* (Перевод И. Голенищева-Кутузова.)

Под управлением умелым
Она послушна и смела.
И наши души, точно струны,
Поют, безумием полны.
Идем туда, где ждут буруны,
Где камни злобные черны.
Нас ветер брызгами украсит.
Идем. Вот близок страшный враг,
Но заполаскивает стаксель
При повороте оверштаг.
И мы несемся в путь обратный,
Чтоб снова здесь на бурунах
Изведать жуткий, непонятный,
Многожеланный сердцу страх.
А свежий бриз поет, как пташки,
А в море ходят гребешки.
Они — курчавые барашки,
А мы с тобою пастушки.

В стремленьи вольном, необорном
Сама, как ветер, реешь ты.
И наше море — луг огромный,
Где только синие цветы.
Но в полдень штиль и всё застыло,
Нет больше воли в парусах.
Ах, если б мы с тобою жили
И в жизни как в моих стихах.

8 мая 1924

* * *

Мое ль ты внешнее виденье,
Благая ль выдумка Творца,
Иль плод томительных мучений,
И флорентийских вдохновений,
И Леонардова резца?

Когда смеешься в юном пыле,
Сияя радостью лица,
Мне мнится, что хрусталь разбили
Иль гондольеры уронили
Мандолу юного певца.

Кто ты — быть может, жизни новой
Передрассветная заря.
Готов к борьбе с судьбой суровой,
Стою, от глаз твоих горя.

Как будто к солнцу своевольно
Попал из темноты ночей,
И мне и радостно, и больно
От обжигающих лучей.

20 июня 1924

* * *

Я у окна сидел с друзьями —
Ты проходила мимо нас.
Ты шла неспешными шагами,
Не поднимая кверху глаз.

И все спросили восхищенно —
Как звать, прекрасную, тебя, —
Я промолчал весьма смущенно,
Ликуя гордо про себя.

О, мой покой был вновь нарушен...
И вдруг, неожиданно, как во сне,
Мне улыбнулся хитрый Пушкин
Из черной рамы на стене.

25 июля 1924

* * *

От жизни бральной и обманной
Не жду ни ласки, ни даров.
Я сам создал себе туманный,
Прекраснейший из всех миров,

Где я в безумьи увлеченья,
В свою уверовав судьбу,

Отдавшись штормам и течению,
В ладье изломанной гребу.

Увлекся я мечтою странной,
Созданием мною спетых слов,
Звездой далекой и желанной
У незнакомых берегов.

6 июля 1924

* * *

Без цели путь свой начиная,
К далеким черным берегам
Я плыл, во мгле не различая
Грозный очерк встречных стран.

Но ныне мир сует и брений
Ты освещаешь мне одна
И, как светильник, в тьме сомнений
Мной высоко вознесена.

8 октября 1924

* * *

О тебе, моей печальной,
Сам с собой наедине,

Ночью лунною, хрустальной
Размышляю в тишине.

Узнаю тебя повсюду,
Смутный облик твой ловлю
И природе, точно чуду,
Улыбаюсь и внемлю:

Сумрак лунный, золотистый,
Ветра вздох иль плач ручья —
Это в мир струей лучистой
Пролилась печаль твоя.

В воды черные взгляну ли,
В колдовство речной струи —
Мнится, в бездне потонули
Очи темные твои.

Если вдруг кругом обложат
Тучи ясный небосклон —
Это мысль тебя тревожит,
Омрачая тихий сон;

Но когда зарницы стаей
Засверкают в вышине —
Это ты, я знаю, знаю,
Улыбаешься во сне.

11 октября 1924

* * *

Словно море, прихотлива
Красота души твоей.
Я – поэт, я говорливый
Многознающий ручей.

На вершинах неизвестных
Душу я обрел мою,
Умудря страстью в безднах
Многозвучную струю.

И притек к тебе рекою
Тихоструйной и живой
Сочетать мятеж прибоя
С величавою струей.

12 ноября 1924

* * *

Седой поклонник Эпикура
И легкомыслия земли,
Ты, жертва поздняя Амура,
Мне с благосклонностью внемли.

Пускай смутил сердечный трепет
Торжественность твоих седин, –

Когда Амур крылом зацепит,
Никто в себе не властелин.

Седины мудростью, мы знаем,
Венчают легкость вешних нег,
Прекрасен в поле юным маем
Среди цветов последний снег.

19 ноября 1924

* * *

На путях больших и хожих
Пыль клубится, жар гнетет,
Не найти у придорожий
Благодатных струй. И вот —

В час тоски необычайной
В недрах девственной глуши
Я набрел, пришлец случайный,
На родник твоей души.

И, путями изможденный,
Грудью павши, жадно пью
Из криницы благовонной
Неизбывную струю.

20 ноября 1924

* * *

Опустошенные, не внемлют
Минутным радостям сердца.
Безжизненные, тихо дремлют,
Как розы в склепе мертвеца.

В опустошенном сердце смертный
И ужасающий покой,
Как в храме, в прахе распростертом,
Где был кощунственный разбой.

В опустошенном сердце ясно,
Как после ночи грозовой,
Когда в томленьи ежечасно
Мы ждем, что вспыхнет вновь прекрасно
Скорбящий купол голубой.

14 декабря 1924

* * *

Темных вод глухую пасть покинув,
Я, спасенный, к берегу приплыл,
Где лежите вы, плащи свои раскинув,
Среди муз, харит и нежных вил.

Что ж, и я одну из них добуду.
Будет взор ее — морская глубина,

Где сплелись причудливые чуда,
Где сиянье радужного дна.

Там узнаю я изменчивые тени,
Темных мыслей и печали плен —
Свитки вещице, не ведавшие тленья,
Мной еще не сказанных поэм.

И за музой той, чье имя сердцу мило,
Чья душа темна, но горяча,
Выйду встретить новое светило,
Сеять бисер с влажного плаща.

1924

* * *

Я упоен весной пришедшей,
Весной вокруг, весной в себе.
Я стал веселый сумасшедший,
С ума сошедший по тебе.

Я стал смешной и нелюдимый,
Хожу без шляпы на заре.
Твое вырезаваю имя
На оживающей коре.

И мальчуганы городские
Смешного «дядю» узнают,

Бросают игры и босые
За мною с гиканьем бегут.

И всем другим мой облик странен,
Смешна восторженность моя,
Их взор бесцветен, взор туманен,
Забыл про радость бытия.

И я хожу, от звуков странный,
В людские лица не гляжу,
Лишь зорь весенних, зорь румяных
Приход торжественный слежу.

А по ночам, как будто в притче,
В тягучем, душном, вешнем сне —
Приходят Дант и Беатриче,
Как гости светлые, ко мне.

1924

* * *

Позабуду ль о летней были,
О веселых и ярких днях,
О лучах, что тебя золотили,
На горячих прибрежных камнях,

И песков золотую россыпь,
И плескания смуглых наяд,

И твою усталую поступь,
Потемневший от солнца взгляд.

И взлетали от игр песчинки,
Расходились у алой воды,
Точно в страны чудес тропинки,
Золотые твои следы.

1924

* * *

Ты за душой не поспеваешь,
О тело, тяжкий мой двойник;
Ты путаешь, ты облакаешь
Всё в тесный и тугой язык.

Гляди: над нивой плодородной
Поет весенней страсти гром —
То ода, ставшая свободной
От пут, ей сотканных пером.

И облака плывут, как думы —
Свободней их видали ль вы? —
И леса радостные шумы,
Как гомон ангельской молвы.

И вот любовь моя! — нездешним,
Сама не ведая о том,

Она идет виденьем вешним,
Постукивая каблучком.

О тело! Ты едва ли знаешь
О чарах, что таятся в ней:
Ты и в любви не успеваешь
За легкую душой моей.

1924

* * *

Опять у той же калитки
Всё тот же знакомый скрип,
И пес мохнатый и прыткий
От радостных визгов охрип.

Наверх вхожу неспешно,
Гляжу на каждый куст,
Хоть знаю давно, конечно,
Я здесь всё наизусть.

Вот окон черные лики
Комнаты милой твоей
Вдруг зарумянили блики
От предзакатных лучей.

И стало светло, как прежде,
Как будто здесь живешь.

Жду и томлюсь в надежде,
Что легкой тенью пройдешь.

Стало так грустно, а солнце,
Вняв тихой грусти моей,
Сыплет и сыплет червонцы
Ласковых алых лучей.

1924

* * *

Читаешь мне стихи, и я,
Завороженный, в них вникаю.
Душа воспрянула моя
И вновь летит к иному краю.

Стихи, мой друг, в устах твоих
Твоею нежностью согреты;
И даже незрелый стих
Звучит как Дантовы сонеты.

28 мая 1925

* * *

В упорстве певческих стяжаний
Я закалился, как металл.

Мне душу древний огонь исканий
Из звонкой бронзы выплавлял.

Стою недвижимым изваяньем
В моем торжественном раю,
И вещим бронзы содроганьем
Величье мира я пою.

Равно всему простерши руку,
Встречаю полночь и зарю,
И даже шороху и стуку
Ответным звуком говорю.

Май 1925

* * *

С полей земных восходит пар летучий —
Вот облака на небе собрались.
В убранстве черном каменные кручи;
Их первыми омоет влагой высь.

И наши мысли всходят паром белым,
И много их сбирается; потом,
Как тучи, над землею оскуделой
Вдруг разразятся громом и дождем.

4 октября 1925

* * *

Из духоты и жизни пыльной
Да вдруг в благословенный край
Душе унылой и бессильной
Пришлось примчаться невзначай.

О, удивительное Вранье!
Расскажешь — скажут, что враньё:
Здесь в небе в сладком замираньи
Галдит, кружася, воронье,

А воздух солнышком разнежен
И для чахоточных грудей
Всевышней властью обезврежен
Над морем высоты своей.

Но не хранит сей воздух чистый
От чар возлюбленной моей,
Здесь больше, чем на Саве мглистой,
Власть затуманенных очей.

И так же сердце ею полно,
И думы тихие о ней
Непобедимы и безмолвны
В невыразимости своей.

О удивительное Вранье,
Ты грустный сон, а не враньё.

Здесь сердце бьется в замираньи,
А в небе синь и воронье.

8 октября 1925
Вране

НАБРОСКИ

Она звалась, увы, Татьяна.
Благодарю тебя, поэт.
Со дня издания Романа
От Тань теперь прохода нет.
Куда ни глянешь — всюду Таня:
Родилась мне для испытанья,
Напоминая там и тут
Про ту, что так же все зовут.

И я люблю сие названье...
Напоминает мне оно
Цветов полночных расцветанье,
Иль волн восточных колыханье,
И странной прелести полно.
Бывало, полный жадной муки,
Вникая в мерный моря зов,
Его я слышал в нежном звуке
Заигрывающих парусов.

.....

О Пушкин, мне твоя цевница
С младенческих знакома дней.
Быть может, я души твоей
Мир вновь узревшая частица —
Один из солнечных лучей.

1925

* * *

Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов.

Пушкин

Вешний вечер. Гаснет печь.
Я один над книгой дивной.
На стене от тусклых свеч
Тень моя, как призрак длинный.

Славный Пушкин, в этот час
Гонишь ты мои сомненья,
Точно ветер едкий газ
С мест отравленных сраженья.

И под жадною рукой
Шелестят твои страницы,
И проходит чередой
Быль твоя и небылицы.

Пленный дух твой жив и цел
В сих страницах вдохновенных,
Где поешь, как ты скорбел,
Как изведал яд сомнений.

Всё же дивен жребий сей —
Плыть в ладье с волной обширной,
Славить песнею борей
И зефира лепет мирный.

Всё, что надо, — том стихов
Предо мной в обложке синей.
Сочетанье дум и слов,
Словно стройных ясных линий.

25 марта 1926

* * *

Ты — хаос, смутная душа,
Живешь в обманчивом покое,
Как храм, где, грохот утиша,
Дымятся павшие устои.

Се в храм ворвался вихря стон
В сопутствии землетрясения,
И осквернен и оглушен
Привычный чин богослуженья.

Всё, всё смешалось: свет и мрак,
Жар душный с веяньем прохлады,
И падают, как легкий злак,
Разрушенные колоннады.

И к небесам, пославшим ад,
В одну струю несчастьем свиты,
Восходят смрад и аромат,
Покинув жертвенник разбитый.

1926

ПИВНАЯ КРУЖКА

По небу дружной стаей
Пять запятых летят.
Две кляксы означают
Веселых поросят.

Как ломтик апельсина,
Средь облаков луна.
На водопой скотина
Идет, а у окна

Субъект с арбузной рожей
Задрал курносый нос.
На колбасу похожий,
Беззвучно лает пес.

Из плоского сарая,
Как плоская луна,
Недвижно выплывает
Субъектова жена.

И надпись для веселья
Из островерхих слов:
«Пей и не знай похмелья,
Ни бед, ни тяжких снов».

1926

ПОСЛАНИЕ К И. ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Как правоверный иудей,
Я ныне праздную субботу:
Покончив с должностью своей,
К стихам я чувствую охоту.

И в бане, парясь на полке,
К тебе посланья сочиняю.
Держа перо в одной руке,
Другою веником махаю.

И в мусикийском забытье,
Весь красный, славлю жизнь я эту,
Сыскав в лоханях и в бадье
Кастальский ключ, и Стикс, и Лету.

1926

* * *

Душа моя растет и ширится. Тесны
Ей углые просторы тела.
Вот так бы прынула к пределам вышины
И звезды дальние задела.

И всё бы ширилась, как полая вода,
Весь мир любезный охватила,
Как сотни лет назад — вертепы, города
Лобзанием холодным смыла.

И мир бы плавал в ней, блаженный и большой,
Омытый, нежась и качаясь,
И всеми гранями, и райской чистотой
Полно и ясно отражаясь.

Средь тишины ночей мечта — наш поводырь,
И кажутся созвездья ближе.
Тогда сильней порыв и в высоту и в ширь,
И виден ты, Архистратиге.

25 сентября 1927

* * *

Я сегодня вновь веселый,
Потому что вновь один...

Слышу ветер, вижу сёла
В блеске солнечных лавин...

Оттого что мной положен,
Строен и прекрасно-прост,
От ума к душе надежный,
Нешатающийся мост.

Оттого что снова бодро
Ждут ветров мои лады,
Что сегодня небо ведро,
Завтра ж будем гибнуть... и

Что впервые после звона
И бряцанья ржавых уз
Слышу голос Аполлона
И родимый шепот муз.

29 сентября 1927

ВЕСНА

Е. В. Аничкову

Оранжевый веселый вечер
К реке бунтующей зовет.
Последний запоздалый глетчер
Сползает с каменных высот.

И солнце в обновленной славе,
Щедрот исполненный давец,
Румянит овлажненный гравий
И стадо зыбкое овец.

И я, веселый и усталый,
Топчу лениво голыши,
И в теле, будто обветшалом,
Биенье чувствую души.

Всему невольно улыбаясь,
Гляжу на придорожный куст,
Где вскрылась дикой розы завязь —
Подобье восхищенных уст.

1927

АРИОН

Очагов чужеземных пепел
На сандалиях ветхих моих.
Вечно радостен, вечно светел
Заблудившийся в сердце стих.

Не боюсь далеких скитаний,
Чудодейственной волей спасен
От пучины неверных лобзаний,
Как мой праотец Арион.

И, бродя по чужим долинам,
Подымая летучий прах,
Чужеземным розам и кринам
Я хвалу воздаю в стихах.

Но Леванта пламенной ночью,
Подорожную сбросив суму,
Сплю и вижу во сне, как воочью,
Дом мой славный в огне и дыму.

1927

МЕЧТЫ

Хочу истлеть в земле родимой,
Смирив пред смертью стыдный страх.
Пусть ветер в яркие долины
Перенесет мой тленный прах.

Я там воскресну хлебным злаком,
Отдав зерну родную плоть,
Чтоб этим символом и знаком
Свою невечность побороть.

Когда пойдешь во ржи тропинкой,
Вдыхай пахучие струи, —
Здесь в каждом цветике, былинке
Частицы тленные мои.

Коснись цветов своим лобзаньем,
Земные мысли затаи,
И я шепну в благоуханьи
Мечты посмертные мои.

1927

БОСНИЯ

Гор содвинувшиеся кряжи,
Как чудовища, припавшие к земле
У ворот чистилища на страже,
Горбятся в кроваво-дымной мгле.

Запад рдеет, и лучи струятся.
Подозрительный, томительный покой,
А они, коварные, дымятся
И сверкают алой чешуей.

1927

ДУБРОВНИК

Илье Голенищеву-Кутузову

Из темной порыжелой ниши
Взирает сокрушенно Влах

На голубей на древней крыше,
На мох на треснувших стенах.
В воротах порта голубиный
И человеческий разговор,
И скрежет цепи ржавой, длинной,
И сломанный навек запор...
И здесь, где славные фрегаты,
Придя, спускали паруса,
Латает дым свои заплаты
Из черных труб на небеса.
О город прелести скорбящей,
Ты мне являешь в этот миг
Не истинный, не настоящий,
Но болью искаженный лик.
А ночью благостной и краткой —
Живая тень твоих теней —
Глядит твой Орсат на остатки
Истлевших от бессилья дней.
И, разделив его тревогу,
Средь тишины полночной Влах
Тебя с мольбой возносит к Богу
На древних каменных руках.

1927–1940

* * *

Нисходит вечер охлажденный
На лоно жаркое песков;

Гляжу на небосвод зажженный
В разрывах мирных облаков.

Я помню, как мечта светила
На несказанной высоте,
Как воплощенною сходила
В лучах, в весенней красоте.

Сошла — и душу охватила,
Тропой пустынной повела,
Пустынным зноем опоила,
Как достояние свое,
В пустыне той же расточила
Мое пустое бытие.

И отошла. Из дали зыбкой
Вновь призывает с высоты,
Но поздно — в сердце холод липкий,
Недвижный холод пустоты.

Стемнело. Все слились обличья.
Лишь, словно призрак древних снов,
Мой силуэт худой и птичий
Средь вечеряющих песков.

1 апреля 1928

ЭЛЕГИЯ

Здесь сумрак, тишина и книга,
А мир окрестный — гул зыбей.
Былое рухнуло от сдвигов
В теснинах памяти моей.

Зачем приходишь ты с любовью
В мой дом, где счастье — тишина.
Душа святому суесловью
Не внемлет, внутрь обращена.

И речью вкрадчивой поэтов
«Блаженных дней» не обещай,
И не тревожь докучным светом
Мой тихий и суровый рай.

28 мая 1928

* * *

Зачем казнишь меня, Всевышний?
Я утомлен, я изнемог
Под тяготою дум давнишних
В объятьях яростных тревог.

Иль все несчастья и страдания,
Что Ты мне щедро посылал,

Должно приять, как испытанья —
Души спасительный закал?

Не так ли мастер оружейный
На наковальне меч кует,
И вихрь летает огневейный,
И сталь трепещет и поет.

Быть может, я мечом разящим
Покину горн священный Твой,
Упругим, острым и блестящим,
Твоею кованный рукой,

Иль, заплативши дань бессилью,
Как должно ржавому мечу,
Покроюсь антикварной пылью
И, утомленный, замолчу.

1928

* * *

Завидую тебе, мой друг,
Как дух твой мыслит непорочно.
Твоя душа проста, как круг,
Как круг законченный и точный.

А я себя не узнаю,
Меня измучили пороки.

И, в душу заглянув свою,
Читаю приговор жестокий.

Обезображенный больной,
Желая у ручья напиться,
Так в зеркало струи глядится
И видит страшный облик свой.

1928

* * *

Гляжу на мир потусторонний
Сквозь стекла моего окна.
Вот площадь — образ преисподней —
Тенями мутными полна.

День сер и серы наши души!
Порой, подьемля мерзкий гам,
Автомобили, как кликуши,
К пустым зывают небесам.

В дыму кафе официанты
Бесшумно рыщут. На тахтах
Напудренные вянут франты
В телескопических штанах.

Блестят разительным пробором,
И странно схожи их черты.

Исполнены тщедушным вздором
Их неподвижные мечты.

Ужель нас серый день задушит?
— И будем все мы — стыд и страх —
Микроскопические души
В телескопических штанах.

15 марта 1929

* * *

Купается душа моя в ночи
Во влаге звездной и радушной,
Глотает звезд холодные лучи,
Теряется во тьме послушной.

И я и ночь — одно. И мы течем,
Мешаясь с голубым эфиром,
И, вещи, невидимо влечем
Двойное бытие над миром.

Но прянет день, союз наш оборвет,
Наш путь сочтет мечтаньем смутным,
А утренних небес плывущий свод —
Пространством чуждым и беспутным.

16 июля 1929

* * *

Я был сияющим повесой,
Но пыл прошел, и я давно
Задернул черною завесой
На мир глядящее окно.

И вот душа — глухонемая,
Чужда ей жизни толчая,
Лишь звукам внутренним внимая,
Молчит, их нежный звон тая.

Приходят сонные мгновенья,
Душой владеет тишина,
Но вновь порыв, и вновь сомненья,
И вновь она возмущена.

Так, покорясь тщете раздумий,
Душа томительно живет
Средь обескрыленных безумий
И поэтических дремот.

Усталости дневная ноша
Страшней, чем гробовой покров, —
Она как ранняя пороша
Для поздних луговых цветов.

1929

* * *

Сыны изменчивой Эллады
Знавали горести земли:
Изгнанники, в чужие грады
Огонь алтарей своих несли.
Мне люб наш жребий одинакий:
И мы, как элины, везде
Подчинены судьбе двойкой —
Сиянью славы и беде.
Таков удел, но жизни душной,
Но жизни чуждой не страшусь.
Я всюду с верой простодушной
Ищу твой вечный пламень, Русь.
В лачуге, в университете,
Науки ль говор, музы ль стон,
Равно повсюду в годы эти
Твой свет над всеми вознесен.
Изгнанье медленной отравой
Терзает слабые тела,
Но верю я, что большей славой,
Чем ныне, Русь, ты не цвела.
И образ твой в час каждый трудный
Над нами, нищими, парит
И труд томительный и скудный,
Как некий дух, плодотворит.
Благословен наш жребий строгий.
Дано пылать нам, жить, идти.
Обетованные чертоги
Нас ждут за гранями пути.

И оттого, презрев терзанья
И смерти щедрую косу,
Я дни невольные изгнанья
С блаженной гордостью несу.

1929

* * *

Я вижу, горы посинели
И заалели облака.
Река на каменной постели
Горит огнем издалека.

В душе растаял мрак суровый,
И сны я вижу наяву,
И небеса увлечь готовы
Их в золотую синеву.

Но мысли пленные не вьются,
Не рвутся к небесам в огне,
Они как прежде остаются
В твоей унылой стороне.

[1930]

* * *

Я гляжу в простор, объятый
Чернотой и тишиной,
Месяц тонкий и рогатый
Еле тлеет надо мной.

Тишиною полнозвучной
Усыпленная земля
Отдыхает сытой, тучной, —
Ум и страсти утоля.

И как высших сил примета —
Даже в шелестах ясна —
Сердцу тихому поэта
Поступь Божия слышна.

[1930]

ВЕЧЕРНИЙ ДОЖДИК

Пахучий дождик над землею
Пронесся светлой пеленой.
Я окна мокрые раскрою
В сад золотисто-огневой.

Горит трава алмазным блеском.
В кустах зацокал песню дрозд.

И радуга над перелеском
Павлиний распустила хвост.
И детвора бежит босая,
Галдя, толкаясь и смеясь,
А куцый пес за нею, лая,
Бежит, расплескивая грязь...

А там, присев у подворотни,
С ногами в луже дождевой,
Угрюмый, бледный мальчик мокнет
С своей протянутой рукой.

На почерневшей дымной пашне
Селяне выпрягли волов:
День нынешний стал днем вчерашним,
Скрываясь в пене облаков.
И сразу всё порозовело,
Прикрывшись тонкой синевой;
На склоне стадо зазвенело,
Спускаясь узкою тропой.

Душа полна была бы мира
В тот вечер сине-золотой,
Когда б не мальчик бледный, сирий
С его протянутой рукой.

1932

* * *

Снов взбудораженных квадрига,
Неси меня во весь опор
До восхитительного мига —
Увижу райский кругозор,

Где тщетно бродят души наши
И где сапфирные плывут
Две опрокинутые чаши,
Небес единственный сосуд,

Где я, и сам того не зная,
Сбирая мед добра и зла,
То возношусь, то упадаю,
Как в вазе пленная пчела.

13 апреля 1933

ГОЛУБАЯ СМЕРТЬ

И. Голенщеву-Кутузову

Тревожат грохоты и взрывы
Пучины царственный покой,
Плывут в бронях тяжелых дивы
Космато-дымной чередой.

Удела нет светлей для мужа,
Чем в знойный полдень умирать.

Вот алая стекает лужа
На палубу – мою кровать...

Раскинувшись, в рубахе чистой,
Оставив длинный алый след,
Качаюсь в глубине лучистой
Вдали от битвы и побед.

В раю сапфирном и текучем,
Убитый лилией морской,
К коралловой прижавшись круче,
Вкушаю полдень голубой.

Завороженные медузы
Кольщутся, и в зыбкий сад
Морские гурии и музы
Меня, безмолвного, манят...

А ты, душа, в иной пучине,
На непонятной вышине,
Ты будешь ли вздыхать, как ныне,
О тесном и телесном сне?

Но позабудем мы едва ли
Полудня пламень голубой –
Как гулко пушки грохотали,
Как сердце жег щемящий зной.

3 июня 1933

ВОСХОД

Пугливой, трепетною ланью
Сбегает ночь с покатых гор.
Конец полночному мечтанью.
Ищи, мечта, иной простор.

Небес бледнеющая книга
Слов потухающих полна.
Молчанья сбрасывает иго
С земли, прощаясь, тишина.

Как в притче радостной о рае,
Узором для начальных слов,
Большая роза расцветает
Средь заалевших облаков.

13 июля 1933

ДУША И ТЕЛО

Е. В. Аничкову

Легкокрылая! Томишься
В рабстве сладостном, земном.
Вздохом к небесам струишься,
Легким вздохом о былом...

Но милы земные муки.
И к морям строптивым — вот

Вновь протягиваешь руки
С ледяных своих высот.

Покорись им, небожитель!
Сыдь в мятеж страстей и ширь:
Тело, древний твой учитель,
В жизни дольней поводыр.

Ты ему предайся смело,
Пей земных восторгов ложь.
Лишь в объятых душных тела
Чары неба познаешь.

16 апреля 1934

* * *

Ах, о душе вздыхаем мы,
Ее поставив в центр вселенной,
Средь скудости земной тюрьмы
Зовем и вечной, и нетленной.

А мир, простершийся вне нас,
Живет, почти неосязаем,
Почти незрим для слабых глаз —
Там где-то, за небесным краем.

Лишь в книгах смутно узнаем
Про азимуты и орбиты,

И о пространстве, где дождем
Летят, дробясь, метеориты.

Где, разрывая звездный мрак,
Земля с гуденьем в бездну мчится.
Какой космический сквозняк!
Ну как душе не простудиться!

22 августа 1935

МОСТ

Небес нерукотворный плат
Расшит нездешними цветами,
И пламя выплеснул закат,
Подобный гневной орифламме.

Стальную спину изогнув,
Мост грузно прянул над Дунаем,
К брегам темнеющим прильнув,
Водою черной отражаем.

Еще стрекочут молотки,
И сталь дрожит в последних муках.
Гудят вечерние гудки
Средь лязга, скрежета и стуков.

Мост в электрических огнях
Поет, гремит в дымах морозных,

Как весть о новых временах,
И героических и грозных.

1935

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Я с палубы, смеясь, взираю
На эту шумную толпу —
К земному радостному раю
Не проложить ли мне тропу.

И в пестрый рай из занавесок,
Кастрюлей и любовных слов
Вдруг окунуться... Весел, резок
Звон гименеевых оков.

Но поздно. Уж опять зовет
Ко мне ревнивый океан.
Со взморья в душу заползает
Всепоглощающий туман.

И тихо поднимаю взоры
На алый и земной закат.
Бегут бесшумно командоры
Туда, где якорный канат.

И ухожу... Промозглый, влажный,
Пасть разверзает океан.

И тихнут за кормой протяжно
Земные звуки, как орган.

И некогда живые очи
Глядят туда, где, им сродни,
Блестят всё реже, всё короче
Земные, теплые огни...

12 декабря 1936

ИЗ ПОЭМЫ «АРГОНАВТЫ»

Морякам Северного Флота

I

В Архангельске грузились, пыль глотали,
Катали бочки, снасти волокли.
Тряслись лебедки и взвивались тали,
И вот снялись мы с якоря, пошли.
А в кубрике веселые Невтоны,
И Геркулесы, и Язоны
Точили лясы, пили чай, пыхтя,
И гул висел басистый и протяжный,
И спор тянулся длительный и важный,
И «Арго» шел, машиной тарахтя.
Зеленый понт вскипал шипящей пеной,
И полз туман, тревожимый сиреной.

Дни сокращались. Солнца тяжкий взлет
Стал ниже, а потом заглодало.
Ночные вахты длились нудно, вяло,
И прямо по носу вдруг показался лед.
Над шахматами лбы свои склоняя,
Потели сумрачно. Гармошка удалая
В руках Орфея из приволжских мест
Про Эвридику лихо вспоминала.
И «Арго» плыл. Вздымаясь, зыбь качала.
Брега исчезли. Всё вода окрест.
В полярной тьме *Aurora borealis*
Трясла кудрями, кудри вод касались
Над черным зеркалом, над гладью сонных льдов,
И в черном зеркале лицо ее пылало,
И реяло над нею покрывало,
Медеи плащ, Медеи страстный зов...

II

Над полярною Колхидой
Солнечная тишина.
В море павшее эгидой,
Солнце отсвет шлет со дна.

Не растут ни мирт, ни лавры,
Боги в их тени не спят,
Лишь во льдах кругом кентавры,
Жмурясь, рядышком сидят,

Глянцевитыми телами
И клыками
Шевелят.
Понт, в порфиру облеченный
И в оковы синих льдов,
Громоздит, неугомонный,
Стены льдистые дворцов...

1935–1937

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

АЛЕКСА ШАНТИЧ
(1868–1924)

УТРО

Дым голубой восходит с далеких островов.
Уж розовее ткани взыгравших парусов.
Вдруг задрожал у дома высокий кипарис,
И стела голубые пожаром занялись.
По берегу волочат свой невод рыбаки
И вывалили лодки на дымные пески.
И где-то лом с мотыкой прилежные звенят,
И слышны ясно крики веселых пастушат.
Сверкают крылья чаек проворно и легко;
Кой-где мелькнет кораблик — средь моря далеко;
Всё розовее парус, всё яростней горит.
И в небесах слышнее мелодия зари.

ОСЕНЬ

Бури пронеслися и утихли страсти,
Наша жизнь и чувства — всё стремится к краю,
И твои мне очи иначе сияют:
Нету в них ни силы, нету в них ни власти.

Чувствую, что сердце с каждым днем всё тише,
А рукопожатья не сильны, как ране,
Хладные, немые неподвижны длани,
В них биения чувства сердце не услышит.

Мы ведь не любили общества. Бывало,
Было нам довольно говорить друг с другом,
Вечно пребывая за волшебным кругом...
Нынче мы мудрее: говорим мы мало.

Лето пролетело. Осень завладела,
Соловьиных в сердце больше нету пеней,
От ветров холодных розы цепенеют,
И листва повсюду рано пожелтела.

ДЕВУШКЕ

Я вас на коленях пестовал когда-то,
Приносил вам часто сласти и игрушки,
И волос курчавых нежил завитушки,
Целовал вас в щеки поцелуем брата.

Дни те пронеслися горною рекою,
Странной вереницей снов или обманов;
На лице беспечном отблеск зорь румяных,
На моем же осень с черною фатою.

Знаю, ваше сердце нынче полно жара,
А мое спокойно смерти ждет удара;
Ваши очи блещут, как два неба ясных,

А мои повиты мрачной мглою синей;
Юность, пламень, страсти — мертвы и безгласны,
На висках усталых серебрится иней.

ОТОН ЖУПАНЧИЧ
(1878–1949)

ОТРОЧЕСКАЯ МОЛИТВА

Отче Наш!
Когда б ты был взаправду отче наш,
Свои ты длани растерзал тогда бы,
С креста сошел
И, отроков убогих, нас одел,
Отче Наш.

Отче Наш! —
Он, может быть, у Вислы или Дрины —
И сами не знаем где, —
У него прострелено сердце,
У него проколоты руки,
И нас обнимает чрез все горы
Отче Наш.

ТИХО ПОДПОЛЗАЕТ МРАК

Вот подползает мрак,
Быстр скользящий шаг,
В тишь обутый...
Сердце, пред кем дрожишь,
Как подпольная мышь,
В те минуты?

Или темен помин
Дней минувших глубин,
Дней прошедших?

День грядущий – вампир.
Взбудоражен мир
Дум сумасшедших.

Иль стада ветров
Средь милых гробов
Прах взметают?
Иль из дальних широт
Стон и песни сирот
Долетают?

Тихо подходит мрак,
Быстр скользящий шаг,
Быстр, как время.

Сердце, пред кем дрожишь,
Как подпольная мышь?
Пред всеми, всеми.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПОЭТА И ВОИНА

Алексей Петрович Дураков родился 28 мая 1898 года в деревне Дураково-Черкасское Пензенской губернии. Его отец, Петр Алексеевич, из бедных дворян, служил управляющим чужих имений. К мелкому поволжскому дворянству принадлежала и мать Анна Федоровна, урожденная Каменская. Родители Дуракова умерли в 1915 году.

В 1917 году Дураков окончил Симбирский кадетский корпус в чине фельдфебеля (старшины) и поступил в Морское училище в Петрограде. В октябре 1917 года был отправлен в заграничное плавание на вспомогательном крейсере «Орел». Побывал на Сахалине, в портах Японии и Китая. В январе 1920 года окончил училище во Владивостоке в звании корабельного гардемарина и эвакуировался вместе с флотом. В августе 1920 года, посетив Индокитай, Индонезию, Индию, прибыл в югославский город Дубровник на восточном побережье Адриатического моря. После трех лет пребывания в училище и морской службы Дураков очутился в чужой стране без профессии, без денег, без родных. Двое его братьев, Борис и Никита, и сестра Катя остались на родине, увидеть их ему больше не довелось.

В 1921 году Дураков поступает на философский факультет университета в Белграде, где изучает историю и литературу. Русская молодежь в университете группировалась вокруг известного ученого и литературного критика Евгения Васильевича Аничкова. Любимый ученик академика А. Н. Веселовского и продолжатель его научной традиции, Аничков не был эмигрантом в полном смысле слова. Во время Первой мировой войны он воевал на румынском фронте, попал в плен со своим полком и был интерниро-

ван. Не сумев пробиться на родину, где у него осталась семья, Аничков застрял на Балканах. Югославы пригласили блестящего петербургского профессора преподавать в университетах Белграда и Скопле. Человек обширной эрудиции и яркого таланта, Аничков имел большое влияние на своих учеников.

В студенческие годы Дуракову пришлось проходить и другие, более суровые «университеты». Жизненная необходимость вынуждала его к каждодневным заботам о куске хлеба. Он был рад любой работе, какую мог найти: мостил улицы, строил дома, стоял у станка на ткацкой фабрике, паковал багаж в депо. Из-за частых перерывов учење в университете изрядно затянулось, и только в 1930 году по настоянию Аничкова и с его помощью Дураков сумел окончить университет в Скопле (Македония).

До начала Второй мировой войны Дураков жил в городке Вране (Вранье) на юге Сербии. Провинциальный быт городка, в недалеком прошлом центра турецкой администрации, мало чем отличался в 1930-е годы от того, каким он изображен в повестях и романах классика сербской литературы Борисава Станковича¹. Только в начале XX века (после образования Югославии) во Вране стали появляться школы европейского типа. Работа Дуракова была не из легких: он воспитывал «трудных подростков» в детском доме для сирот войны, преподавал в местной гимназии.

5 апреля 1941 года представители королевского югославского правительства подписали в Москве договор о дружбе и ненападении, предусматривавший взаимную поддержку в случае агрессии против одной из сторон. 6 апре-

¹ См.: Станкович Б. Дурная кровь. Предисл. И. Н. Голенищева-Кутузова. М., 1961.

ля гитлеровские войска без объявления войны перешли границу Югославии. Договор остался нератифицированным. Сопrotивление оккупантам возглавила находившаяся многие годы в подполье коммунистическая партия, членом которой был и Алексей Дураков. Такого общенародного Сопrotивления, как в Югославии, не было, пожалуй, ни в одной из захваченных фашистской Германией стран Центральной и Южной Европы.

С первых же месяцев оккупации Дураков вместе с женой, Любовью Михайловной Лещук, включается в антифашистскую борьбу. Одной из обязанностей, возложенных на него местной организацией народного фронта, было печатание и распространение листовок и воззваний. При выполнении заданий Дураков умело пользовался обширными знакомствами, безупречной служебной репутацией, даже мирной внешностью школьного учителя. Ему приходится много ездить не только по стране, но и за ее пределы, особенно часто — в соседнюю Болгарию. Трижды сидит он в тюрьмах — у болгарских фашистов, у недичевцев², у немцев; правила конспирации соблюдает неукоснительно, при арестах держится молчаливо, явных улик против него собрать не могут. Всё же, как личность в высшей степени подозрительную, осенью 1943 года Дуракова из тюрьмы отправляют в Германию на принудительные работы. Жена добровольно следует за ним. В Нюрнберге они живут в ужасных условиях, работают на фабрике по двенадцать часов в день и доходят до крайней степени истощения. В апреле 1944 года Любови Михайловне удается выхлопотать двухнедельный отпуск по болезни. Дураковы приезжают в Белград. Друзья из антифашистского Сопrotивле-

² Режим коллаборационистского правительства генерала Недича, сотрудничавший с оккупационными властями.

ния спешно перебрасывают их проторенными тропами в «лес», к партизанам.

В нескольких десятках километров от Белграда, на территории нынешнего автономного края Воеводины, партизанские части освободили и контролировали довольно значительный район. Собственно леса здесь было мало, но вдоль дорог, соединявших партизанские деревни, росла кукуруза. Немцы и четники³ опасались заглядывать в эти места: в зарослях буйно разросшейся кукурузы, превавшей человеческий рост, их поджидали засады и пулеметные очереди. В борьбе с оккупантами и их пособниками из местных фашистских организаций принимало участие всё население. Алексей и Люба становятся бойцами Посавской партизанской бригады, где капитан-поручиком служил любимый друг Дуракова – Илья Николаевич Голенищев-Кутузов.

Ранним утром 13 августа 1944 года немцы и четники начали переправляться через реку Саву на партизанскую сторону. Дураков находился в заставе, охранявшей переправу. Небольшой группе партизан надо было продержаться до подхода подкрепления, сдерживая наступление превосходящих сил противника. Бой был жестоким и неравным. Погиб серб-пулеметчик, и Дураков занял его место. Тяжело раненный, истекавший кровью, он продолжал стрелять, пока его не настигла последняя пуля. Партизаны похоронили погибших товарищей на берегу Савы. «Не знал, что Алекса такой герой», – сказал комиссар, потерявший в этом бою своего брата.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 ноября 1965 года Дураков посмертно награжден орденом

³ Националисты великосербского толка (действовавшие так же, как хорватские «усташи»), к 1944 году вступившие в союз с Недичем; косвенные пособники оккупантов.

Отечественной войны II степени «за мужество и отвагу, проявленные в борьбе против гитлеровской Германии»⁴.

*

Дураков начал писать стихи за границей и, в отличие от писателей-эмигрантов старшего поколения, формировался как поэт в чужой культурной среде, но, несмотря на это, сумел сохранить чистоту родного языка и не отступить от традиций русской поэзии XIX – начала XX вв.

Имя Дуракова изредка появлялось на страницах русской зарубежной печати 1920–1930 годов – в сборниках стихов Союза молодых поэтов и писателей, группы «Перекресток», кружков «Гамаюн» и «Литературная среда», а также в пражской «Воле России» и Выборгском «Журнале Содружества». Дураков не был профессиональным литератором: стихи писал только если испытывал в этом живую потребность; не надеясь увидеть свои стихи напечатанными, крайне редко возвращался к работе над ними. Он не успел ни собрать то, что написал в продолжение почти четверти века, ни отобрать лучшее, ни отредактировать тексты. Всё, что смогли сделать в послевоенном Белграде Л. М. Дуракова-Иванникова и И. Н. Голенищев-Кутузов, – это собрать то, что сохранилось в бумагах поэта или у его близких, и составить машинописный сборник стихотворений. К сожалению, многие стихотворения, особенно последнего периода, оказались утраченными.

Современные справочники и библиографии по литературе русского зарубежья неизменно указывают на сборник стихотворений Алексея Дуракова «Партизанские стихи», якобы оставшийся неизданным. Однако «Партизанские

⁴ См.: Голос Родины. 1965. Ноябрь.

стихи» — всего лишь название одного из разделов упомянутого сборника, вряд ли принадлежащее Дуракову. Стихи, составившие этот раздел, не столько партизанские, сколько пламенно-патриотические. В простоте душевной слагающему строки о политкомвах, о пионерах, о покорителях Арктики, об официантке из норвежского кабака, мечтающей попасть в советскую школу, о себе, тратащем молодость и силы не для Родины, — Алексею Дуракову не суждено было узнать ни о том, что его лучший друг, Илья Голенищев-Кутузов, по окончании войны окажется в титовских застенках, ни о том, что коммунист Алексей Эйсер по возвращении на ту самую Родину на долгий срок попадет в советские лагеря (где сменит коммунистические убеждения на прямо противоположные), ни о многом другом.

Едва ли случайно раздел «Партизанские стихи» был помещен в книге стихов Дуракова первым: составители явно надеялись пробить сборник в печать. Может быть, оно и к лучшему, что издание не состоялось, ибо за его пределами вынужденно оставались стихи религиозные, имеющие куда большую литературную ценность.

«Партизанские стихи» оставлены за пределами настоящего издания, тем более что подавляющее большинство их так или иначе опубликовано⁵. Остальные стихотворения расположены в хронологической последовательности (при отсутствии авторской датировки в квадратных скобках дается дата первой публикации). Поэтические переводы Алексея Дуракова, вошедшие в «Антологию новой югославянской лирики» (Белград, 1933), переиздаются впервые.

Искра Голенищева-Кутузова

⁵ См.: Голос Родины. 1964. Январь; Родина. 1964. Март-апрель; Отчизна. М., 1976.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Веселый мальчик белокурый...»	3
«Серы обои на стенах...»	4
«Много здесь в молочной дали...»	4
Перекресток	5
«Вся жизнь моя — одни лишь встречи...»	6
«Люблю, земля, твой душный запах...»	7
«В твоих стихах слезу мерцанье звездных истин...»	8
«Вышел я, желаньем твердым полный...»	8
«Тебе любовь, тебе угары...»	9
«Моя любовь к тебе — сверкающий ларец...»	10
«Напрасный путь к тебе измерен...»	11
«На бледной желтизне дивана...»	12
«Веришь в Бога и в светлое чудо...»	13
«Вседневной думы о разлуке...»	14
«Мне всё мерещится усталая походка...»	15
«За что-то Бог меня отметил...»	16
«Осенний мглистый день. Предчувствием влеком...» ..	17
«Как пенье дальнего прилива...»	18
«Стали дни по-весеннему долги...»	19
«В честь земной прекрасной девы...»	20
«Мне снился сон — мы оба в белом...»	20
«Мое ль ты вешнее виденье...»	22
«Я у окна сидел с друзьями...»	23
«От жизни брэнной и обманной...»	23

«Без цели путь свой начиная...»	24
«О тебе, моей печальной...»	24
«Словно море, прихотлива...»	26
«Седой поклонник Эпикура...»	26
«На путях больших и хожих...»	27
«Опустошенные, не внемлют...»	28
«Темных вод глухую пасть покинув...»	28
«Я упоен весной пришедшей...»	29
«Позабуду ль о летней были...»	30
«Ты за душой не поспеваешь...»	31
«Опять у той же калитки...»	32
«Читаешь мне стихи, и я...»	33
«В упорстве певческих стяжаний...»	33
«С полей земных восходит пар летучий...»	34
«Из духоты и жизни пыльной...»	35
Наброски	36
«Вешний вечер. Гаснет печь...»	37
«Ты – хаос, смутная душа...»	38
Пивная кружка	39
Послание к И. Голенищеву-Кутузову	40
«Душа моя растет и ширится. Тесны...»	41
«Я сегодня вновь веселый...»	41
Весна	42
Арион	43
Мечты	44
Босния	45
Дубровник	45
«Нисходит вечер охлажденный...»	46
Элегия	48
«Зачем казнишь меня, Всевышний?..»	48
«Завидую тебе, мой друг...»	49
«Гляжу на мир потусторонний...»	50
«Купается душа моя в ночи...»	51
«Я был сияющим повесой...»	52

«Сыны изменчивой Эллады...»	53
«Я вижу, горы посинели...»	54
«Я гляжу в простор, объятый...»	55
Вечерний дождик	55
«Снов взбудораженных квадрига...»	57
Голубая смерть	57
Восход	59
Душа и тело	59
«Ах, о душе вздыхаем мы...»	60
Мост	61
Летучий голландец	62
Из поэмы «Аргонавты»	63

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

Алекса Шантич (1868—1924). С сербского

Утро	66
Осень.....	67
Девушке	68

Отон Жупанчич (1878—1949). Со словенского

Отроческая молитва.....	69
Тихо подползает мрак	69

И. Голенищева-Кутузова. Светлой памяти поэта

и воина	71
---------------	----

Дураков А. П.

Д84 Один из солнечных лучей: Собрание стихотворений. – М.: Водолей Publishers, 2005. – 80 с. (Малый Серебряный век).

ISBN 5-902312-61-2

Первый сборник стихотворений Алексея Петровича Дуракова (1898–1944), одаренного поэта русской Сербии, выходит в свет спустя более 60 лет после трагической гибели автора. Книга практически полностью представляет сохранившееся поэтическое наследие Дуракова, дополненное переводами из классиков сербской и словенской поэзии.

ББК 84Р7-5

Дураков Алексей Петрович

Один из солнечных лучей

Собрание стихотворений

Литературно-художественное издание

Технический редактор А. Ильина

Корректор В. Резвый

Подписано в печать 14.04.05. Формат 60x90/32

Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль

Печать офсетная. Печ. л. 2,5

Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Водолей Publishers»

119330, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 17-Б

тел. (095) 786-36-35. E-mail: agathon@humanus.ru

Отпечатано в ИПП «Гриф и К°»,

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а